

НОВЫЕ ДАННЫЕ О МОНАРХИЧЕСКОМ САМОЗВАНЧЕСТВЕ В РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА*

О. Г. Усенко

Тверской госуниверситет

I. КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ «ПЕРИФЕРИЯ» ДОКЛАДА

1. Исследовательский поход

Применяется комплексный подход к проблеме – увязанные воедино принципы историзма и системности, методы исторической психологии и культурной антропологии («диалог культур»).

Изучение прошлого с точки зрения **исторической психологии** подразумевает использование понятий «психическая норма», «девиация» (в принципе допустимое отклонение от нормы) и «психопатология». При этом надо учитывать относительность этих понятий, т. к. их содержание варьируется от эпохи к эпохе, от одной культуры или общности к другой, даже от индивида к индивиду. В ситуации научного поиска истины осознание того, что грань между «психической нормой» и «патологией» размыта даже для современников, что наши (сегодняшние) взгляды и взгляды людей прошлого на этот счёт не совпадают, подталкивает к тому, чтобы не считать одним из признаков самозванца его «нормальность», чтобы не проводить селекцию «кандидатов в самозванцы» с точки зрения их психического состояния.

Иначе говоря, нужно допустить принципиальную возможность того, что среди самозванцев окажутся люди, которые могут восприниматься нами или воспринимались их современниками в качестве психически больных. Но как же быть с действиями и заявлениями определённого рода, сделанными в состоянии аффекта или опьянения? Можно ли считать их разновидностью самозванства? И если да, то в каких случаях?

Ответы на эти вопросы могут быть получены при моделировании исследовательского процесса как «диалога культур». Одним из положений, на которых базируется этот исследовательский метод, является

---

* К тексту доклада, представленному для публикации, О. Г. Усенко добавил необходимые разъяснения методики своего интересного и новаторского исследования. Редколлегия сборника сочла необходимым опубликовать эти разъяснения перед самой статьёй (*Ред.*).

отказ исследователя от позиции своего превосходства, от поучений в отношении контрагента, от оценок типа «плохое/хорошее», «неправильное/правильное», «отсталое/развитое», «ложное/правдивое» и т. п. Исследователь берёт на вооружение метод «вчувствования» («вживания»), который помогает ему уважительно прислушиваться к «речи» людей прошлого, взглянуть на мир их глазами, выйти за пределы современной для него реальности¹.

Применительно к проблеме самозванства это означает, что мы должны довериться своим «собеседникам» (изучаемым персонажам, их сподвижникам, противникам и сторонним

наблюдателям), а потому взять за основу их критерии для определения и применения понятия «самозванец». В самом деле, разве значение слова лучше знает не тот, кто его придумал и первым стал употреблять?

В России XVII–XIX вв. официальное законодательство выделяло среди политических преступлений, помимо «самозванства», также деяния, которые квалифицировались как «непригожие (непристойные) речи». В их число входили, в частности, те самые пьяные откровения, хвастливые заявления, порождённые аффектом тирады, которые быстро забывались или дезавуировались тем, кто их произносил, и не подкреплялись никакими действиями со стороны «разгласителя» для утверждения им себя в той социальной роли, которую он вроде бы только что принял².

Суть трактовки понятия «самозванство» в российском законодательстве конца XIX в.³ усматривалась в «присвоении прав состояния, чина, титула, знака отличия, чужой фамилии, герба» и т. п. Подразумевалось, что «для наказуемости недостаточно, если лицо в единичном случае назовётся не своим именем и т. п., а необходимо, чтобы оно постоянно... так именовалось, или, по крайней мере, ясно выразило бы на то намерение»⁴.

Итак, к самозванцам относили только лиц, обладающих хотя бы ограниченной дееспособностью. Они до явления себя в новом качестве не были официально признаны невменяемыми и достигли совершеннолетия, формальным критерием которого можно считать наступление хотя бы частичной уголовной ответственности. Следовательно, самозванец – это индивид, который, сделав соответствующие заявления, от них уже добровольно не отказывается, но подтверждает их – либо словами, либо также и делами, при этом его поведение направлено на закрепление нового статуса, не принадлежащего ему по праву. Всё это происходит в

[с. 75]

реальной жизни, а не в игровой обстановке. Не принимаются в расчёт и шуточные заявления.

Теперь ответим на вопрос, можно ли отнести к самозванцам человека, делавшего свои заявления в пьяном виде или в состоянии аффекта. Если такой человек, вернувшись в нормальное состояние, помнит о своих «разглашениях», повторяет их, а уж тем более если стремится реализовать их на практике, то он – самозванец. Человека, относящегося, на взгляд со стороны, к числу душевнобольных, тоже следует называть самозванцем лишь в том случае, если он последователен в своей самооценке, если одержим одной и той же «сверхценной идеей», ставшей сутью его повседневного существования – до тех пор, пока безумие не отступит.

Теперь пришла пора вспомнить об ещё одном правиле «диалога культур»: «Доверяй, но проверяй». Историк должен критически воспринимать те утверждения своих «собеседников», которые несут на себе отпечаток идеологических и социально-политических конфликтов. Особенно это касается высказываний со стороны «власть имущих», поскольку последним свойственна «уверенность в том, что истиной можно завладеть так же, как вещью, что ею можно обладать». Соответственно «истина... предстаёт в речи власти как объект (в данном случае объект захвата, обладания)»⁵.

В России XVII–XIX вв. самозванец воспринимался как обманщик, «ложный» носитель какого-либо статуса. Однако понятие «ложный» часто обозначалось и словом «неправильный», хотя это, строго говоря, не одно и то же. В результате любой человек мог быть заклеимён как «самозванец», если со стороны казалось, что он занял своё место не по правилам.

Итак, на основе **системного принципа** можно выделить 5 признаков, раскрывающих в совокупности содержание термина «самозванец»:

1. Самозванец – это дееспособный индивид, который знающим его людям открыто (словесно или письменно) заявлял сам, или давал понять намёками, или убеждал их чужими устами, что он не тот, за кого его принимают, и выдавал себя за носителя иного, нежели в действительности, имени и/или статуса, а от людей, не знакомых с ним, скрывал свои истинные биографические данные или искажал их, играя новую роль (неважно – взятую вследствие заранее обдуманного плана или спонтанной реакции окружающих), – и всё это он делал прежде всего ради того, чтобы лично пользоваться плодами своих усилий.

[с. 76]

---

2. Самозванец – это индивид, который, начав однажды играть новую социальную роль (даже если она была принята им под принуждением или в состоянии опьянения, аффекта, душевного расстройства), подкреплял соответствующие этой роли заявления (свои и/или чужие) целенаправленными действиями (если, конечно, он не был схвачен сразу после «объявления» о себе), выстраивал своё дальнейшее поведение так, чтобы оправдывать ожидания поверивших ему людей, пусть даже он общался с ними нерегулярно и тайно. При этом он либо вообще не отрекался от вновь принятой роли, либо делал это лишь под принуждением – со стороны окружающих или официальных властей.

3. Самозванец – это индивид, чьи заявления и притязания были признаны в целом недостоверными и необоснованными, причём признаны в качестве таковых как современниками, так и потомками (историками); это человек, который, даже убедив на время какую-то часть людей, в конце концов был разоблачён как обманщик (неважно – при жизни или после его смерти).

4. Чтобы слыть самозванцем, человек обязан воспринимать себя в новом качестве и/или так восприниматься другими не «в шутку», а «всерьёз», не в игровой ситуации, а в обычной, повседневной жизни.

5. Человек может считаться самозванцем, если он претендует на статус, входящий в число привычных для данного общества или хотя бы в число известных и принципиально возможных, с точки зрения представителей данного социума, если он прилагает к себе эпитеты, не вызывающие недоумения или смеха у окружающих. Иначе говоря, самозванцем является только тот, кто стремится (хотя бы мысленно) вписаться в наличную социальную структуру, найти себе место в данном обществе.

Теперь надо сформулировать критерии для определения **самозванца монархического типа**. По моему мнению, **монарх** – это: 1) лицо знатного происхождения; 2) носитель харизмы, а значит человек, чьи помыслы, поступки и моральный облик если не сакрализуются, то идеализируются или хотя бы оправдываются окружающими; 3) правитель (ныне действующий или бывший) отдельного государства – самостоятельного или даже попавшего во внешнеполитическую зависимость, но хотя бы частично сохранившего свой суверенитет. Титул не есть главный критерий, поскольку он различался в европейской (император, король, царь, великий князь, герцог, великий магистр) и азиатской (шах, султан, хан и т. д.) традициях.

[с. 77]

Бывший правитель, передавший власть преемнику, не перестаёт быть монархом. Сохраняет свой высочайший статус и владетель, потерявший в ходе войны свою «отчину» или находящийся в изгнании, – но только в том случае, если не поступит на службу к другому правителю или если его бывшее владение не потеряет статуса автономного территориально-политического образования, т. е. не перестанет быть государством.

В состав **монаршей фамилии**, помимо официального правителя, включаются как его ближайшие «кровные» родственники – родители, братья и сёстры, сыновья и дочери, племянники и племянницы, внуки и т. д. (причём не важно – «законные» они или нет), так и «приобретённые» – лица, вступившие в брак с монархом и его прямыми потомками или пока ещё носящие звание жениха (невесты), а также ближайшие родственники этих лиц.

Соответственно критериями зачисления индивида в категорию самозванцев монархического типа оказываются такие:

- 1) его публичное притязание на статус представителя монаршей фамилии;
- 2) его стремление получить соответствующие новому статусу властные полномочия: либо инкорпорироваться в высшие эшелоны официальной власти, либо создать свою собственную, автономную сферу властвования – сформировать группу сторонников и добиться того, чтобы они беспрекословно его слушались, т. е. вели себя как его «подданные».

Не важно, носит ли самозванец имя реального исторического лица или просто называется «царем», «царским братом», «женихом государыни», «земным богом», «будущим императором» и т. п. Его притязания на высший светский статус могут проявляться по-разному: посредством присвоения имени и/или официального титула кого-либо из монаршей фамилии; в виде заявлений о родстве с монархом; посредством награждения себя эпитетами, которые в массовом сознании устойчиво увязываются с образом верховного правителя; в форме объявлений о своей богоизбранности к занятию престола.

При этом даже «тюремный сиделец», каторжник или ссыльный может стать самозванцем указанного типа, если он, «объявляя» о себе, запугивает и/или привлекает окружающих (караульных, следователей или других «братьев по несчастью»), если его слова и действия направлены на то, чтобы подчинить их себе, получить какие-либо права и льготы или даже обрести свободу.

[с. 78]

Наконец, надо уточнить и соотнести друг с другом понятия «самозванство», «самозванчество» и «самозванщина». Под **самозванством** понимаются мысли, чувства и действия конкретного человека, решившего выдавать себя за носителя другого, нового имени и/или статуса, особенности его самовосприятия, внутренние факторы его поведения и самооценки. Самозванство начинается тогда, когда у человека появляется идея о смене привычного статуса, а кончается в момент его публичного саморазоблачения – признания, что его подлинной (настоящей) ипостасью является иная – привычная для большинства знающих его людей и/или санкционированная официальной властью. Отмечены случаи, когда после саморазоблачения бывший самозванец принимался за старое – вновь начинал выдавать себя за обладателя неподобающего ему статуса. Такие рецидивы логично отделять от первоначальных похищений и учитывать отдельно. В то же время для обозначения тех и других предлагаются синонимичные термины «проявление» и «случай самозванства».

На стадии явного самозванства (когда новая самооценка получает выражение в словах и/или действиях индивида) может зародиться и **самозванщина** – если индивиду, выступающему в новом качестве, удастся привлечь на свою сторону хотя бы одного человека. Соответственно этот феномен прекращает своё существование тогда, когда от самозванца публично отрекается последний сподвижник (таковым является лицо, с которым самозванец находится в постоянном контакте – лично или опосредованно).

Самозванчество являет собой диалектическое единство двух указанных выше феноменов. При этом стоит отметить, что не может быть самозванщины без самозванства, однако самозванство без самозванщины вполне возможно. Нужно также заметить, что самозванство может быть «именным» и «статусным». Под последним разумеется не

санкционированное официальной властью занятие индивидом новой для него социальной позиции, которое, однако, не сопровождается его отказом от своей истинной биографии и привычного для всех прозвания. «Именное» же самозванство такой отказ подразумевает, ибо в этом случае человек берёт имя **реального** лица (здравствующего или покойного). Таким образом, «именное» самозванство всегда опирается на «статусное», но не наоборот.

[с. 79]

---

2. Критика историографии (список самозванцев 1762–1800 гг.)

На сегодняшний день в научной литературе к самозванным носителям высшего светского статуса, пребывавшим в России в 1762–1800 гг., относят 41 человека. Однако есть основания полагать, что эти данные не отражают истинного положения дел: с одной стороны, остаётся ещё много самозванцев, не известных научному сообществу, а с другой стороны, некоторых правильней было бы исключить из списка самозванцев.

Например, некоторые исследователи утверждают, что Кондратий Селиванов после побега с каторги жил до 1797 г. под Москвой в образе молчаливника⁶. На самом деле скопческому «ересиарху» ошибочно приписываются факты биографии другого Лжепетра III, именуемого в литературе то Петушковым, то Петраковым⁷ (в реальности им был Семён Петериков⁸).

Сходным образом «турецкий принц Изек-бей»⁹ в книге А. Ф. Строева ошибочно зовётся «Изан-беём»¹⁰.

Целый ряд поправок относится к работе К. В. Сивкова. Во-первых, некоторые самозванцы названы у него лишь по имени и отчеству, а часть фигурирует под псевдонимами или ошибочными фамилиями. Между тем будет не лишним знать, что «И. Евдокимов» – это на самом деле Иев Евдокимов сын Семилеткин, «А. Васильева» – Авдотья Васильева дочь Заварзина, «Иов Мосягин» – Иев Мосякин, а «Н. Шляпников» – Николай Сорокин.

Во-вторых, К. В. Сивков оставил без анализа «совсем незначительные дела», а также деятельность тех лиц, которые казались ему авантюристами и безумными. Тем самым исследователь фактически вычеркнул из перечня самозванцев И. Соколовского, А. Корсакову и Ив. Опочинина¹¹.

Решение исключить из числа самозванцев Ивана Соколовского является правильным, ибо его деяние подпадает лишь под квалификацию «непристойные речи»¹². Можно согласиться с историком и в том, что Ивану Опочинину тоже не место среди самозванцев монаршего уровня, но не потому, что он – авантюрист¹³. Суть в том, что он отнюдь не выдавал себя за наследника российского престола, хоть это вроде бы и явствует из названия следственного дела о нём. Речь идёт о И. Подошине, преступление которого заключалось в том, что он изображал из себя «генерал-майора Опочинина»¹⁴. И уж тем более не надо

[с. 80]

его путать с Ипполитом Опочининым, о котором писали С. М. Соловьёв и С. М. Троицкий¹⁵.

Д. Л. Мордовцев упоминает о двух самозванных «Петрах Фёдоровичах», находившихся в рядах пугачёвцев; имени одного он не называет, а второй фигурирует как «разбойник Фирска»¹⁶. Судя по тому, что автор ссылается на «Историю Пугачёва» А. С. Пушкина, под безымянным самозванцем скрывается, очевидно, Пётр Евсевьев (Евсигнеев, Евстифеев), который, по мнению великого поэта, не испугался принять на себя имя свергнутого императора, хотя и служил Пугачёву¹⁷. Что же до Фирски, то А. С. Пушкин отнюдь не называет его самозванцем. Стало быть, Д. Л. Мордовцев допустил здесь явную ошибку.

Впрочем, и причисление к самозванцам П. Евсевьева является ошибкой, хотя оно укоренилось в литературе¹⁸.

Более того, по мнению С. Г. Томсинского и А. Н. Когана, летом 1774 г. среди участников крестьянской войны было не двое, а трое самозванных Петров III – к Е. Пугачёву и П. Евсевьеву следует прибавить атамана Якова Иванова¹⁹.

Между тем уже С. Тхоржевский сомневался в том, что среди участников крестьянской войны 1773–1775 гг. был не один «император Пётр Фёдорович»²⁰. И действительно, попавший в плен к П. Евсевьеву прапорщик Ахлебинин (который, кстати, отнюдь не отождествлял Пугачёва и находящегося среди повстанцев «государя Петра Третьего») посчитал атамана самозванцем потому, что люди, которые прапорщика пленили, заявляли, будто «оне посланы от государя Петра Фёдоровича», а потом привезли его на суд именно к Евсевьеву²¹. Ошибочность такого взгляда подтверждается другими известиями, в которых П. Евсевьев самозванцем не именуется²².

Аналогичная ошибка была допущена и в отношении другого пугачёвского атамана – Я. Иванова. Тщательное изучение источников показало, что он себя Петром III не называл и другими восставшими в таком качестве не почитался. Пассаж в одном из документов, порождающий искус отнести атамана к самозванцам, объясняется ошибкой однодворца Ф. Шубина, который, услышав, что в «команде Пугачёва» кто-то называется государем, посчитал таковым Я. Иванова, поскольку того люди повсюду встречали с хлебом-солью, стояли перед ним на коленях и приносили присягу, «что веруют ему, государю Петру Фёдоровичу». На самом же деле все эти почести воздавались Я. Иванову как *представителю* «императора»²³.

[с. 81]

Основанным на путанице является и причисление к самозванцам Анны Поповой, одной из многочисленных скопческих «Богородиц». Б. А. Успенский невнимательно прочёл ту страницу в сборнике В. И. Кельсиева, на которую ссылается. На самом деле речь там идёт о другом персонаже скопческой истории – авантюристке, которая действительно выдавала себя за «великую княгиню Анну Фёдоровну», но позже – в начале XIX в.²⁴. Что касается А. Поповой, то она до конца жизни оставалась в рамках исключительно религиозного самозванства²⁵.

В тех же рамках действовала и Акулина Иванова. Хотя среди скопцов она почиталась не только как Богоматерь, но и как «императрица Елизавета Петровна», следует учесть, что монарший сан был ей приписан лишь тогда, когда её мифический «сын» К. Селиванов начал выдавать себя за императора Петра III, т. е. не ранее 1780 г. А к этому времени, по мнению наиболее авторитетных историков скопчества, она умерла²⁶.

Следующим кандидатом на исключение из перечня самозванцев царистского толка является Пётр Хрипунов (Головенко). К. В. Сивков не смог найти архивных материалов о нём, поэтому пользовался дореволюционной публикацией, где сообщалось, что П. Хрипунов выдавал себя за Петра III, причём к этому его подговорили будущие соратники – П. Борцов и О. Пургин. Мнение, что Хрипунов был самозванным претендентом на трон, прочно утвердилось в литературе²⁷. Между тем изучение архивного дела о нём позволяет утверждать, что самозванцем царственного уровня он стать хотел, но так и не стал.

С осени 1783 г. П. Хрипунов бродил по Уралу и Сибири и «разглашения делал под видом тем, што Государь Пётр Фёдорович жив, а себя точным Государем не называл». Подговора его на самозванство не было – Борцов и Пургин в этом не сознались. Хрипунов же на допросе поведал, что мысль о принятии царского имени у него была, но он ею ни с кем не делился: «а что сам себя назовёт Государем, никому не проговаривал, а намерение имел... пробравшись за границу и с стороны крепости Усть-Каменогорской сперва набрав

злодейскую толпу... и при первом разбитии какова места... объявить себя Государем хотел, а потом идти и далее»²⁸.

Далее, необходимо заметить, что на Украине в 1764 г. не было никакого гусарского вахмистра, выдававшего себя за Петра III²⁹. Сообщение об этом – миф, созданный, вероятно, после невнимательного ознакомления с делом Н. Колченко³⁰. Большие сомнения вызывает и

[с. 82]

обоснованность пребывания в списке самозванцев Григория Рябова. Он упоминается лишь в одном источнике – в «объявлении» сибирского губернатора Чичерина от 5 ноября 1773 г. Согласно этому источнику, Рябов был некогда атаманом разбойников, его схватили в Верхотурье «посыланною из Тобольска военною командою», сослали на каторгу в Нерчинск, но он сбежал и, оказавшись в Астраханской губернии, «наименовал себя императором Петром Третьим». Хотя ему удалось сколотить группу сторонников, он был схвачен местными крестьянами и выдан властям, после чего отправлен в Москву³¹.

По моему мнению, Г. Рябов – если и реальное лицо, то не имеющее никакого отношения к монархическому самозванчеству.

Во-первых, не удалось найти ни одного упоминания о нём среди материалов Тайной экспедиции. Во-вторых, к числу соратников Рябова в «объявлении» причислены лица, которые на самом деле были сторонниками Ф. Богомолова-Казина³². Поэтому если самозванец и был, то под ним, скорее всего, надо разуместь Ф. Богомолова, который в 1772 г., играя Петра III, действовал на территории Волжского войска и в Царицыне. В-третьих, главный смысл «объявления» – предостеречь сибирских жителей от веры Е. Пугачёву и сообщить о наказании поверивших ему и заочно признавших Пугачёва императором. Составитель «объявления» либо не знал настоящего имени астраханского Лжепетра, опираясь лишь на слухи о нём, либо осознанно приписал ему имя другого «возмутителя», более «близкого» населению Сибири. При этом нужно учесть, что с момента поимки Ф. Богомолова до написания «объявления» прошло более года.

Наконец, из сферы исследования необходимо исключить и Тимофея Курдилова, выдававшего в 1788 г. себя за императора Иоанна Антоновича. Дело в том, что он «объявил» о себе и свободно действовал в Курляндии (присоединена к России в 1795 г.), а на территории Российской империи в своём новом качестве он оказался лишь после ареста³³.

3. Замечания об окончательном списке самозванцев

Итак, на основе опубликованных данных можно составить список из 30 самозванцев интересующего нас рода. Архивные разыскания позволили добавить к этому списку ещё столько же фамилий. В итоге получается, что в России в 1762–1800 гг. действовали 60 самозванцев монаршего уровня³⁴.

[с. 83]

Правда, не все позиции в этом списке бесспорны. Трое отнесены к самозванцам, строго говоря, гипотетически.

Василий Леонтьев был официально признан сумасшедшим за то, что сделал о себе «непристойное разглашение», но, к сожалению, сути оно не знаем. Однако стоит обратить внимание на тот факт, что В. Леонтьев «разглашал» не кому-нибудь, а лично А. А. Вяземскому – начальнику Тайной экспедиции³⁵. Поэтому можно предположить, что он выдавал себя за носителя монаршего сана – вероятно, Петра III.

Пётр Нестеренко (Таран) так и не признал себя виновным в «похищении» имени Петра III³⁶. Тем не менее его сослали на каторгу, поэтому он и попал в поле нашего зрения.

Иосиф Абаиси, напротив, не понёс никакого наказания, ведь вряд ли можно считать карой выдворение за пределы страны с довольно солидной суммой, полученной от царицы³⁷. По всей видимости, российские власти не знали, как относиться к «принцу Палестины», т. к. у них не было твёрдых доказательств, что перед ними самозванец. К тому же фамилия Абаиси им была уже знакома – в архиве Коллегии иностранных дел с 1729 г. хранилось дело под заголовком «Приезд в Россию от Горы Ливанской Абу Генבלата Нессара Абаиши князя Хезроана»³⁸. И даже если последний был самозванцем, из этого не вытекало, что таковым являлся и его однофамилец, прибывший в Россию спустя полвека.

Наконец, является загадкой подлинное имя солдата, который в мае 1764 г. назвал себя Петром III, а перед этим представился как Михаил Иванов. Власти узнали о нём лишь спустя 10 лет, поэтому проверить, не скрылся ли он под псевдонимом, возможности нет³⁹.

II. ДОКЛАД

Прежде всего нужно привести полный список самозванцев монархического типа, которые действовали на территории Российской империи в 1762–1800 гг. Перечисление будет идти по очерёдности «проявлений» (при этом не важно, сам ли самозванец «объявлял» о себе или за него это делал кто-то другой; также на позицию в списке не влияют рецидивы и дополнительные виды самозванства, если они были):

1. 1762 г., лето (после 26 мая): «император Пётр II Алексеевич»;

1765 г., март – 20/ 31: «побочный сын царицы Евдокии Фёдоровны, первой жены императора Петра I» – Семилеткин, Иев Евдокимов сын (годы жизни: 1728 ? – после 1800 г.)⁴⁰.

2. 1762 г., конец/ 1763 г., начало: «племянник императора Петра I Алексеевича» – Гаудекер, Теофил (? – после 8 июня 1763 г.)⁴¹.

[с. 84]

---

3. 1763 г., ноябрь – начало (?): «император Пётр III Фёдорович», «земной бог» – Асланбеков, Антон Григорьев сын (1735? – после 12 марта 1765 г.)⁴².

4. 1764 г., март – 8: «государь император, жених Екатерины II»; «святой, пророк, святитель, преподобной отец и апостол превыше Господа Саваофа» – [Сергеев], Василий Сергеев сын (1723? – после июня 1764 г.)⁴³.

5. 1764 г., май: «император Пётр III Фёдорович» – [Иванов], Михаил Иванов сын [псевдоним?] (годы жизни не известны)⁴⁴.

6. 1764 г., июнь: «император Пётр III Фёдорович» (предположительно) – [Леонтьев], Василий Леонтьев сын (? – после 7 октября 1765 г.)⁴⁵.

7. 1764 г., октябрь–31: «государь, царь и император Власий (Евласий) I», «земной бог»; «Царь Небесный, Бог-Отец» – Дубровкин, Влас (не позже 1712 ? – 23 августа 1766 г.)⁴⁶.

8. 1764 г., ноябрь – после 15/ декабрь – до 24: «император Пётр III Фёдорович» – Колченко (Калченко), Николай Иванов сын (? – после 5 сентября 1765 г.)⁴⁷.

9. 1765 г., апрель – 22: «император Пётр II Алексеевич» – [Васильев], Григорий Васильев сын (? – 15/16 февраля 1778 г.)⁴⁸.

10. 1765 г., ноябрь – 28: «император Пётр III Фёдорович» – Кремнев, Гаврила Акимов сын (1730 ? – после 19 января 1766 г.)⁴⁹.

11. 1765 г., декабрь – 2; 1767 г., июль/ август: «император Пётр III Фёдорович» – Чернышов (Чернышёв), Пётр Фёдоров сын (1728? – 6 января 1771 г.)⁵⁰.

12. 1766 г, август – 5/31: «богоизбранный царь и пророк» – Гришин, Федот (? – после 26 июня 1767 г.)⁵¹.

13. 1766 г, август (?): «сын императора Петра I Алексеевича» – Фридрих, Карл (? – после 26 июня 1767 г.)⁵².

14. 1767 г., апрель – 14: «сын императора Петра I Алексеевича» (от Екатерины I) или его «внук» (сын царевича Алексея Петровича); «апостол Павел, пророк»;

1767 г., апрель – 28: «Христос» – Мейбом (Meibohm), Фридрих Вильгельм Карлов сын; с 5 февраля 1763 г. – Павел Петров сын (1715 ? – после 21 июня 1767 г.)⁵³.

15. 1768 г., октябрь: «Государыня» [императрица Екатерина II Алексеевна ?] – Заварзина, Авдотья (Евдокия) Васильева дочь (? – после 11 февраля 1769 г.)⁵⁴.

16. 1768 г., октябрь: «наследник российского престола, сын

[с. 85]

императрицы Елизаветы Петровны и английского короля» – Опочинин (Опачинин, Апачинин), Ипполит Александров сын (1752 ? – с 19 на 20 декабря 1781 г.)⁵⁵.

17. 1768 г., октябрь – 18/21 (?): «богоизбранный жених императрицы Екатерины II» – Шнидер, Мартин (Мартын) (? – после 6 ноября 1768 г.)⁵⁶.

18. 1769 г., июнь – 15: «сестра императора Петра III Фёдоровича, бывшая фрейлина при дворе императрицы Екатерины II» – Краснощёкова (Краснощокова), Анисья Иванова дочь (1739 ? – после 14 сентября 1769 г.)⁵⁷.

19. 1771 г., октябрь – 1 или вскоре после: «принц (князь) Палестинский, правитель Палестины», «prince de Palestina (Palestine)» – Абаиси (Abaisi) или Абэсс (Abaisse), Иосиф или Жозеф (Joseph) [псевдоним?] (? – после 6 ноября 1780 г.)⁵⁸.

20. 1772 г., январь – после 16/февраль (?): «император Пётр III Фёдорович»;

1772 г., июнь – 3/15 (?): «император Пётр III Фёдорович» – Богомоллов, Федот Иванов сын; псевдоним – Казин (1746 ? – после 9 августа 1772 г.)⁵⁹.

21. 1772 г., ноябрь – 22/23: «император Пётр III Фёдорович» – Пугачёв (Пугачов, Пугач), Емельян Иванов сын (1742 ? – 10 января 1775 г.)⁶⁰.

22. 1773 г., июнь – 20 (?): «император Пётр III Фёдорович» – Кретов, Николай Яковлевич (? – 27 июня 1774 г.)⁶¹.

23. 1774 г., февраль – 3: «император Пётр III Фёдорович, внук императора Петра I Алексеевича от императрицы Екатерины Алексеевны или Анны Иоанновны» – [Васильев], Клим Васильев сын (1728 ? – между 4 января 1781 г. и 14 августа 1783 г.)⁶².

24. 1774 г., август – 22: «император Пётр III Фёдорович» – Мосякин, Иев Макаров сын (1734 ? – 21 ноября 1774 г.)⁶³.

25. 1774 г. (?): «император Пётр III Фёдорович, сын принца Голштинского» – [Андреев], Иван Андреев сын (1737 ? – 4 июня 1777 г.)⁶⁴.

26. 1775 г., апрель – 29: «император Иван Васильевич» [царь Иван IV Грозный ?] – Забелин, Иван Кириллов сын (? – 3 апреля 1793 г.)⁶⁵.

27. 1775 г., июль – 3: «царь Санкт-Николай (Ефраим), правитель России и Пруссии, укрепитель небесной силы», «ангел, Святой Дух, второй по Христе Сын Божий» – Баташевский, Николай Карлов сын (1749 ? – после 4 августа 1775 г.)⁶⁶.

[с. 86]

---

28. 1775 г. – август (?): «Государь», «генерал» – Фоменко, Иван Кириллов сын (1747? – 5 мая 1776 г.)⁶⁷.

29. 1776 г., январь – 10 (?): «цесаревич Павел Петрович, наследник российского и датского престолов» – Бинг (Buneh), Юкас (Иосиас, Josiac) Леопольд (Leopold) (1753 ? – после 12 февраля 1776 г.)⁶⁸.

30. 1776 г., июнь – 28: «сын герцога Голштинского» [император Пётр III Фёдорович ?] – Дмитриев, Николай Антипов сын (1748? – после 13 октября 1776 г.)⁶⁹.

31. 1776 г., сентябрь – 10: «муж императрицы Екатерины II» – Сытин, Александр Кириллов сын; в монашестве (с 23 декабря 1781 г.) Амвросий (1719 ? – после 25 декабря 1781 г.)⁷⁰.

32. 1777 г., июнь – 22 (?): «император Пётр III Фёдорович» – [Никифоров], Иван Никифоров сын (1745 ? – после 30 апреля 1781 г.)⁷¹.

33. 1778 г. (?): «турецкий князь, второй сын сестры турецкого султана Абдул-Гамида IV – Изек-бей [псевдоним?] (? – после 1783 г.)⁷².

34. 1778 г., июнь/1779 г., январь: «Александр Великий» [царь Александр Македонский?]; 1779 г., март – 11: «дочь императрицы Елизаветы от А.Г. Разумовского» – Корсакова (в девичестве Рагозинская), Александра Васильева дочь (1739 ? – после апреля 1783 г.)⁷³.

35. 1778 г. (?): «император Пётр III Фёдорович», «большой боярин» – Ханин, Максим Анисимов сын (1729 ? – 18 сентября 1780 г.)⁷⁴.

36. 1779 г., октябрь – с 27 на 28: «царь», «государь» [император Пётр III Фёдорович ?] – Савёлов, Герасим Васильев сын (1756 ? – после 4 января 1780 г.)⁷⁵.

37. 1779 г. (?): «царь Пётр» [император Пётр III Фёдорович ?] – [Петров], Пётр Петров сын (? – после 8 декабря 1796 г.)⁷⁶.

38. 1780 г., ноябрь – 10 (?): «Первый император» [Пётр I Алексеевич ?] – Галушка, Прокоп Иванов сын (1748 ? – после 9 июля 1783 г.)⁷⁷.

39. 1781/1796 г. (?): «император Пётр III Фёдорович» (с 1770/ 1772 г. – «Искупитель, Спаситель, второй Сын Божий», «Бог над Богами, Царь над Царями, Пророк над Пророками») – Селиванов, Кондратий (Семён) Никифоров (Трифонов) сын (1720 или 1740 ? – с 19 на 20 февраля 1832 г.)⁷⁸.

40. 1781 г., сентябрь – 7: «царь», «государь», «пророк, святой, первозданной Адам, премудрый философ» – Смоленцов (Смолейцов), Василий Ильин сын (1736 ? – после 3 октября 1781 г.)⁷⁹.

41. 1782 г., январь – 29: «царевич, наследник российского престола,

[с. 87]

сын императрицы Елизаветы Петровны и эрцгерцога Фридриха Прусского»;

1782 г., май – после 21: «патриарх, посвящённый от самого Христа» – Амвросий, бывший игумен [мирское имя неизвестно] (1738 ? – после 23 декабря 1801 г.)⁸⁰.

42. 1782 г., март – 8: «царь, наследник российского престола цесаревич Павел Петрович», «земной бог» – Сорокин (Шляпников), Николай (1744 ? – после 11 января 1802 г.)⁸¹.

43. 1782 г., декабрь – после 25 (?): «император Пётр III Фёдорович» – Попович Дмитрий Григорьев сын (1733/ 1736 ? – перед 9 апреля 1784 г.)⁸².

44. 1783 г., декабрь – 7: «наследник российского престола цесаревич Павел Петрович» – Зайцев (Заяц), Григорий Акимов сын; в монашестве (с 14 августа 1802 г.) – Герасим (20 ноября 1767 – после 7 июля 1804 г.)⁸³.

45. 1785 г., январь – 29: «царский сын» [сын императрицы Екатерины II] – Шурыгин, Осип (1759 ? – 21 января 1787 г.)⁸⁴.

46. 1785 г., май – 25 (?): «наследник престола, жених дочери императрицы Екатерины II» – Пакарин, Иван (14 октября 1753 – 29 сентября 1802 г.)⁸⁵.

47. 1785 г., март – 10: «государь царь Феодор»; «царь Михаил» [архангел ?] – Ушаков (Ушков), Фёдор Васильев сын (1742 ? – после 6 февраля 1786 г.)⁸⁶.

48. 1786 г., июль – 15: «император Пётр III Фёдорович», «Санкт-Петербургский Пётр» – Сенютин, Никита Андреев сын (1747 ? – после 13 октября 1786 г.)⁸⁷.

49. 1787 г., февраль – 8: «муж императрицы Екатерины II» – Дьяконов, Алексей Ефимов сын (? – после марта 1801 г.)⁸⁸.

50. 1787 г. – сентябрь: «император Пётр III Фёдорович» – Бунин, Василий Лаврентьев сын (1743 ? – после января 1789 г.)⁸⁹.

51. 1787 г. – сентябрь: «двоюродная сестра императора Петра III Фёдоровича» [В.Л. Бунина] – Тюменева (в девичестве Кашкарова), Марья Петрова дочь (1734 ? – 9 сентября 1799 г.)⁹⁰.

52. 1789 г. – до осени (?): «император Пётр III Фёдорович» – Нестеренко (Таран, Таранов), Пётр Степанов сын (1757 ? – 4 октября 1793 г.)⁹¹.

53. 1790 г., март – 31: «побочный сын императора Петра I Алексеевича»; 1790 г., апрель – 16: «апостол» – Замыцкий, Пётр Григорьев сын (1752 ? – после 20 марта 1802 г.)⁹².

[с. 88]

---

54. 1790/ 1796 г. (?): «принц из династии Бурбонов» [Франция] – настоящее имя и годы жизни не известны⁹³.

55. 1796 г., сентябрь – 20/ 22 (?): «сын голландского короля»;

1796 г., сентябрь–23/26 (?): «сын императора Петра III Фёдоровича» – [Владимиров], Ксенофонт Владимиров сын (1775 ? – после 27 апреля 1802 г.)⁹⁴.

56. 1796 г., ноябрь – после 6: «император Пётр III Фёдорович» – Петериков, Семён Анисимов сын (1748 ? – 20 мая 1797 г.)⁹⁵.

57. 1796 г., декабрь – 1: «цесаревна и великая княжна Елена Павловна» – Середенко (Середенкова, Середа) (по мужу Харченко), Прасковья Григорьева дочь (1771 ? – после 28 февраля 1797 г.)⁹⁶.

58. 1797 г., февраль – 4: «цесаревич и великий князь Александр Павлович, наследник престола» – Борняков, Кирилл Иванов сын (1770 ? – после 23 марта 1799 г.)⁹⁷.

59. 1798 г., декабрь – 2: «цесаревич и великий князь Александр Павлович, наследник престола» – Сочнев, Борис (1770 ? – после 22 марта 1802 г.)⁹⁸.

60. 1800 г., октябрь – 16: «царь, сын императора Петра I Алексеевича, наследник престола» – Родде, Иван Иванов сын (? – после 28 декабря 1801 г.)⁹⁹.

Итак, целый ряд самозванцев «похищали» только монарший статус – таких было 25 чел. (42 % всей совокупности): 20 чел. выдавали себя за российских монархов и их родственников; 3 чел. – за представителей иноземных правящих династий; 1 чел. претендовал на статус правителя не только России, но одновременно и Пруссии; 1 чел. сначала сыграл роль иноземного принца, а потом – российского царевича.

Среди тех, кто зачислял себя в когорту **российских** монархов без «похищения» имени реального лица (21 чел.), «распределение ролей» было таким: 7 чел. – все мужчины – притязали на статус правящего монарха (4 чел. считали себя богоизбранными государями, двое называли себя «просто» царём и/или государем, один видел себя одновременно и женихом царицы, и государем); 2 чел. провозгласили себя мужьями Екатерины II без всяких добавочных эпитетов и притязаний; 1 чел. – её женихом на тех же условиях; 11 чел. выдавали себя за младших членов правящей фамилии, из них 9 чел. мнили себя законнорождёнными – это 6 «сыновей» монархов (из них 4 – «наследники российского престола»), «сестра», «племянник» и «двоюродная сестра» властителей; к ним примыкали «побочный сын» Петра I и «жених» мифической дочери Екатерины II.

[с. 89]

Стоит заметить, что ещё 2 чел. (Семилеткин и Корсакова) были повинны и в принятии «безымянного» статуса, и в «похищении» имени реального лица.

Итого получается, что у Петра Великого было 4 «сына» (включая «незаконного») и 1 «племянник»; у бывшей царицы Евдокии Фёдоровны – «побочный сын»; у Елизаветы Петровны – 2 «сына» и «незаконная дочь»; у Петра III – «сын», «сестра» и «двоюродная сестра». Лишь у Екатерины Великой не было псевдородственников, носящих свои настоящие, а не чужие имена.

Интересно, что именование себя «царём» или «государем» при сохранении подлинного имени оправдывалось не мифическим совершением неких формальных процедур (например, заключением вымышленного брака с царицей), но верой в свою богоизбранность. Аналогичный пример есть и в области «именного» самозванства: Сорокин, выдавая себя за Павла Петровича (пока ещё лишь наследника престола!), назывался также и «царём».

Таким образом, подтверждается мнение Б. А. Успенского, что в России одним из ментальных факторов монархического самозванства была вера человека в своё великое предназначение¹⁰⁰.

В «именном» самозванстве были замешаны 33 чел., и все они брали имена и титулы российских монархов и их близких. Однако с учётом рецидива Семилеткина было 34 «проявления» лжепредставителей российской правящей фамилии.

Наибольшей популярностью пользовалось имя Петра III – его «похитили» 23 чел. (правда, в некоторых случаях мы опираемся лишь на предположения). Получается, что так себя называли 38 % всех самозванцев, или 68 % тех, кто играл роль члена российской правящей фамилии (с учётом Семилеткина). Отметим также, что период, когда «присваивалось» имя Петра III, охватывает 32 года (1764–1796 гг.).

Остальные показатели таковы: имя Петра Великого «похищалось» 1 раз, Петра II – 2 раза, Екатерины II – 1 раз (предположительно), Павла Петровича (тогда ещё наследника) – 3 раза, цесаревича Александра Павловича – 2 раза, цесаревны Елены Павловны – 1 раз. Однажды было «похищено» также имя Ивана Грозного (если наша трактовка имеющихся сведений верна).

Характерно, что в четырёх случаях из пяти самозванки предпочитали притязать лишь на царственный статус, но не на имя Екатерины II, причём называться так, чтобы не только противопоставить себя государыне, но подчеркнуть своё первородство по отношению к ней.

[с. 90]

---

10 самозванцев претендовали не только на высшие мирские звания, но и на высшие духовные. При этом у 6 чел. религиозное и монархическое самозванство зарождалось и протекало одновременно (Сергеев, Дубровкин, Гришин, Баташевский, Смоленцов, Ушаков). Селиванов же начал с религиозного самозванства и лишь потом дополнил его царственным, а вот Мейбом, Амвросий и Замыцкий поступили наоборот.

Какие выводы можно сделать? Во-первых, подтверждается мнение Б. А. Успенского относительно того, что для носителей традиционной культуры в России XVII–XIX вв. было характерно обожение и даже обожествление «подлинного» правителя¹⁰¹.

Во-вторых, пусть и нельзя быть полностью уверенным, однако думается, что одновременное присвоение несовместимых имён и званий (как, например, у Баташевского и Корсаковой) может свидетельствовать о психопатологии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: *Библер В. С.* Образ простеца и идея личности в культуре средних веков // *Человек и культура: Индивидуальность в истории культуры.* М., 1990. С. 83; *Он же.* Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры. М., 1991. С. 119–122, 133–134; *Ингерфлом К. С.* Самозванство и коллективные представления о власти в русской истории (XVII–XX вв.) // *Реализм исторического мышления: Проблемы отечественной истории периода феодализма.* М., 1991. С. 99.
2. См.: *Анисимов Е. В.* Дыба и кнут: Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999. С. 53–72; *Лукин П. В.* Народные представления о государственной власти в России XVII века. М., 2000. С. 9–15, 18–169; *Новомбергский Н. Я.* Слово и дело государевы (процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 года). М., 1911. Т. 1. № 14, 21, 22, 32, 43, 44, 52, 54, 61, 65, 68, 135, 138, 143, 149, 162, 163, 170, 174, 182, 196, 200, 202, 209, 228, 236, 237, 252, 261, 267, 273, 277, 280, 286, 299, 315, 325.
3. До XIX в. «русском праве не было специальных законов, которые бы кодифицировали состав такого преступления, как самозванство» (*Анисимов Е. В.* Указ. соч. С. 45).
4. См.: *Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона.* СПб., 1898. Т. XXV (49). С. 250; *Колокольцов В. Б.* Законодательство Российской империи о самозванстве // *Законодательство Российской Империи о дворянстве и современное российское дворянство: Материалы к Первому науч. семинару.* СПб., 1996. С. 10–12.

[с. 91]

-
5. *Михальская А. К.* Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике. М., 1996. С. 76–77.
  6. *Мельников П. И.* Материалы для хлыстовской и скопческой ересей... Б. м., б. г. Отд. 3. С. 20–22, 40, 86; *Кутепов К.* Секты хлыстов и скопцов. Казань, 1882. С. 124, 160–164; *Успенский Б. А.* Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // *Художественный язык средневековья.* М., 1982. С. 203, 219, прим. 10.
  7. См.: *Пионтковский С.* Крестьянские выступления 1775–1795 гг. по данным Тайной экспедиции // *Историк-марксист.* 1935. Кн. 10. С. 87, 92–95; *Эйдельман Н. Я.* Твой 18-й век. Прекрасен наш союз... М., 1991. С. 105–106; *Он же.* Из потаённой истории России XVIII–XIX веков. М., 1993. С. 201; *Панченко А. А.* Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М., 2002. С. 175–176.
  8. См.: *Российский государственный архив древних актов (РГАДА).* Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 554.
  9. См.: *Энгельгардт Л. Н.* Записки. М., 1997. С. 33–35.
  10. *Строев А. Ф.* «Те, кто поправляет фортуна»: авантюристы Просвещения. М., 1998. С. 251.
  11. См.: *Сивков К. В.* Самозванчество в России в последней трети XVIII в. // *Исторические записки.* 1950. Т. 31. С. 89, 113, прим. 120; 117–120, 123–124, 127.
  12. См.: Там же. С. 124, прим. 160; РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2473.
  13. *Сивков К. В.* Указ. соч. С. 124, прим. 160.
  14. См.: РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 529. Л. 19–27 об.; Ед. хр. 540; Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2563.
  15. *Соловьёв С. М.* История России с древнейших времён. М., 1965. Кн. 13. С. 432–433; *Он же.* Собр. соч.: В 18 кн. М., 1994. Кн. 14. С. 126–127; *Он же.* Заметки о самозванцах в России // *Русский архив.* 1868. Т. 2. Стб. 274–276; *Троицкий С. М.* Самозванцы в России XVII–XVIII веков // *Вопросы истории.* 1969. № 3. С. 145.
  16. *Мордовцев Д. Л.* Самозванцы и понизовая вольница. СПб., 1886. Т. 1. С. 216–217.
  17. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: в 10 тт. 4-е изд. Л., 1978. Т. 8. С. 185.
  18. См.: *Коган А. Н.* Распространение самозванства в русской деревне в период пугачёвского восстания // *Уч. зап. Куйбышевского гос. пед. и учительского ин-та.* 1943. № 7. С. 222–224; *Муратов Х. И.* Крестьянская война 1773–1775 гг. в России. М., 1954. С. 174; *Рысляев Л. Д.* Пугачёв в Саратове // *Вестник Ленингр. ун-та: Серия истории, языка и лит-ры.* 1962. № 8. Вып. 2. С. 60.

19. *Томсинский С. Г.* Роль рабочих в Пугачёвском восстании // *Красная новь*. 1925. № 2. С. 180; *Коган А. Н.* Указ. соч. С. 222–224.
20. *Тхоржевский С.* Пугачёвщина в помещичьей России. М., 1930. С. 69.
21. Пугачёвщина. М.; Л., 1931. Т. 3. С. 119–120; РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 604. Л. 5 об. – 7; Ф. 1274. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 174. Л. 91–91а, 95–96.
22. РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 617. Л. 1–1 об.
23. Пугачёвщина. С. 124, 126, 127.
24. См.: *Кельсиев В. И.* Сборник правительственных сведений о раскольниках. Лондон, 1861. Вып. 3. С. 108.
25. См.: *Ливанов Ф. В.* Раскольники и острожники. СПб., 1870. Т. 2. С. 272–278.
26. См.: *Кельсиев В. И.* Указ. соч. С. 63, 80–81, 106–107; *Ливанов Ф. В.* Указ. соч. С. 406–409; *Мельников П. И.* Указ. соч. Отд. 2. С. 10–11.
27. *Щебальский П.* Начало и характер Пугачёвщины. М., 1865. С. 50, 103–104; *Сивков К. В.* Указ. соч. С. 131–132; *Кубалов Б.* Сибирь и самозванцы // *Сибирские огни*. 1924. № 3. С. 163; *Троицкий С. М.* Указ. соч. С. 144; *Покровский Н. Н.* Обзор судебно-следственных источников о политических взглядах сибирских крестьян конца XVII–середины XIX в. // *Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода*. Новосибирск, 1982. С. 69–70; *Побережных И. В.* «Самиздат» осмнадцатого века // *Родина*. 1994. № 5. С. 40–41.
28. РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2699. Л. 8 об., 56, 59, 81–84 об., 118 об. – 130 об.
29. Отголоски пугачёвского бунта // *Русская старина*. 1905. № 6. С. 664–665.
30. См.: РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 404. Л. 1–2.
31. *Путинцев Н.* Самозванец Рябов // *Русский архив*. 1902. № 2. С. 59; *Орлов П.* Пугачёвщина в Сибири // *Сибирские огни*. 1925. № 6. С. 129–130.
32. См.: *Мордовцев Д. Л.* Указ. соч. С. 86–114; *Дубровин Н. Ф.* Пугачёв и его сообщники. СПб., 1884. Т. 1. С. 107–110, 119–131.
33. См.: РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 544; О кременчугском купце Тимофее Курдилове // *Осмнадцатый век*. М., 1868. Кн. 1. С. 398–402; *Сивков К. В.* Указ. соч. С. 129–130; *Троицкий С. М.* Указ. соч. С. 145.
34. О принципах подсчёта самозванцев и основной терминологии см.: *Усенко О. Г.* Кто такой «самозванец»? // *Вестник славянских культур*. М., 2002. № 5–6. С. 39–51; *Он же.* Типология самозванцев монархического толка в России второй половины XVIII века // *История России сквозь призму борьбы за власть: Мат-лы 34-й Всеросс. заоч. науч. конф.* СПб., 2004. С. 13–16; *Он же.* Монархическое самозванчество в России в 1762–1800 гг. (опыт системно-статистического анализа) // *Россия в XVIII столетии*. М., 2004. Вып. 2 (в печати).

35. См.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2172. Л. 2; Ед. хр. 2046. Ч. 1. Д. 9. Л. 117; Д. 10. Л. 83 об. – 84 об.
36. См.: РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 544а. Л. 2; Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2807. Л. 7, 19.
37. *Строев А. Ф.* Указ. соч. С. 251.
38. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 9. Оп. 9/1. 1729 г. Д. 1. К сожалению, от этого дела осталась одна обложка, под которой ныне хранятся совсем другие бумаги.
39. См.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2046. Ч. 2. Кн. 5. Л. 72 об. – 74 об.; Ф. 349. Оп. 2. Ед. хр. 7199.
40. РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 403. Л. 12 об., 16–16 об., 25 об., 36; Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2047. Ч. 3. Л. 325; Ф. 349. Оп. 2. Ед. хр. 6345. Л. 1, 3 об.; *Новомбергский Н. Я.* Слово и дело Государевы. Томск, 1909. Т. 2. С. 330, 333.

41. РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 1861; Оп. 2. Ед. хр. 2046. Ч. 1. Д. 10. Л. 23 об.
42. РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 401. Л. 1; Ф. 349. Оп. 2. Ед. хр. 7086. Л. 1 об.–2, 5, 6–6 об., 9 об., 11 об., 54, 142, 144–145, 155, 158 об. – 159, 203 об. – 204 об., 207, 267, 566–566 об., 379 об., 394–394 об., 402, 478–478 об.
43. РГАДА. Ф. 349. Оп. 2. Ед. хр. 7067. Л. 1, 2–2 об., 9.
44. РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2046, ч. 2. Кн. 5. Л. 73–74; Ф. 349. Оп. 2. Ед. хр. 7199. Л. 4–4 об., 16.
45. РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2172. Л. 1–2, 4 об. – 5.
46. РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2142. Л. 1, 3, 7 об.; Ф. 349. Оп. 2. Ед. хр. 7077. Л. 1, 6, 9, 21, 41.
47. РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 404. Л. 4–5 об., 12 об.
48. РГАДА. Ф. 349. Оп. 2. Ед. хр. 7097. Л. 1, 3, 18–19.
49. РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 402. Л. 1 об., 8, 15 об., 22, 33, 34–34 об., 40–40 об., 46, 50, 110, 129, 180 об., 185; Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2046. Ч. 1. Д. 11. Л. 12–12 об.; *Материалы для истории самозванца Кремнева // Воронежская беседа на 1861-й год. СПб., 1861. Отд. 2. С. 1–12.*
50. РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 406. Л. 1, 2 об. – 3, 7, 9 об., 12, 15, 17, 32, 43, 45, 46, 73, 78 об., 81–81 об., 119; *Максимов С. В. Сибирь и каторга. 2-е изд. СПб., 1891. Ч. 3. С. 316.*
51. РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2198. Л. 1–1 об., 3, 4, 12 об.
52. Там же. Л. 2–2 об., 5, 12 об.
53. РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2221. Л. 1, 2, 3–3 об., 4–5, 9 об., 18, 26 об., 28, 36, 53.
54. РГАДА. Ф. 349. Оп. 2. Ед. хр. 7113. Л. 1, 4 об., 8.
55. РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 408. Л. 2–2 об., 7 об., 11, 15, 30, 32 об., 37, 45, 62–62 об., 72 об., 185, 340; Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2046. Ч. 2. Кн. 2. Л. 89–90; Ед. хр. 2047. Ч. 3. Л. 210 об.

[с. 94]

-
56. РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2262. Л. 2, 7.
57. РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 266. Ч. 88. Л. 244; Ед. хр. 2020. Л. 1, 3, 51, 106–109; Оп. 2. Ед. хр. 2047. Ч. 1. Д. 1. Л. 180.
58. АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/6. Д. 3477. Л. 1–3, 5–6, 9; Ф. 14. Оп. 14/1. Д. А–1. Л. 1–3; *Строев А. Ф.* Указ. соч. С. 251, 377–378.
59. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 8. Оп. 5/94. Д. 72. Л. 1, 4, 12 об. – 13, 15, 16 об., 82, 83, 86 об. – 88, 92; РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2046. Ч. 2. Кн. 5. Л. 77 об. – 80 об.; *Мордовцев Д. Л.* Указ. соч. С. 86–87, 113; *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. С. 107, 131.
60. Емельян Пугачёв на следствии. М., 1997. С. 127, 147, 229, 237; *Мавродин В. В.* Рождение новой России. Л., 1988. С. 394, 398–399, 450; *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. С. 280; *Овчинников Р. В.* Следствие и суд над Е. И. Пугачёвым и его сподвижниками: источниковедческое исследование. М., 1995. С. 129–130.
61. РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 535. Л. 2, 7, 14–14 об., 15 об., 33 об., 53–54 об.
62. РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2047. Ч. 2. Л. 332–332 об., 334; Ф. 349. Оп. 2. Ед. хр. 7189. Л. 1, 2, 9.
63. РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 528. Л. 6, 13, 14.
64. РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 536. Л. 1–1 об., 6, 11 об., 16–17, 33, 40; *Мнимый сын Голштинского принца // Памятники новой русской истории. СПб., 1873. Т. 3. Отд. 2. С. 315, 316, 318, 322.*
65. РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2411. Л. 1–2, 18.
66. РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2405. Л. 1–2, 10–11 об., 14.
67. РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2453. Л. 2–2 об., 3 об., 5–6 об.
68. РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2446. Л. 1, 2, 7 об. – 8, 15 об., 22.
69. РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2458. Л. 1, 6–7, 11, 15, 17.
70. РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2463. Л. 1, 2, 8, 24 об. – 25, 37–39, 77, 86.
71. РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 537. Л. 1, 3, 64 об., 68 об., 69 об., 85 об.; Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2046. Ч. 3. Л. 487; РГВИА. Ф. 8. Оп. 5/94. Д. 462. Л. 1, 6, 13, 17, 18, 80–80 об., 86, 111, 119–120, 179 об.
72. *Энгельгардт Л. Н.* Указ. соч. С. 20, 34, 226.
73. РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2537. Л. 1–2 об., 6–8, 9, 10–11 об., 31.

74. РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 308. Ч. 3. Л. 10, 11, 15 об., 16, 17, 19; *Мордовцев Д. Л.* Указ. соч. С. 309, 312, 315, 317–318, 321, 325; *Юдин П.* К истории Пугачёвщины // Русский архив. 1896. Кн. 2. № 6. С. 178–180, 182.
75. РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 538. Л. 2–2 об., 4 об. – 6, 9–10, 21 об., 24 об.
76. РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2576. Л. 1, 2 об.; Ед. хр. 2902. Л. 4 об.
77. РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2577. Л. 1–2, 4, 7, 8 об., 30.

[с. 95]

---

78. РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2047. Ч. 3. Л. 521 об.; ч. 10. Л. 135; Ед. хр. 3083. Л. 24–24 об., 26; Ед. хр. 3420. Л. 30 об.; *Мельников П. И.* Указ. соч. С. 14–15, 85–86; *Кельсиев В. И.* Указ. соч. С. 76, 81, 169; *Высоцкий Н. Г.* Первый скопческий процесс: Материалы, относящиеся к начальной истории скопческой секты. М., 1915. С. XVIII, 34–35, 45, 47, 151–152, 203, 258–259, 309; *Майнов В. Н.* Скопческий ересиарх Кондратий Селиванов (ссылка его в Спасо-Евфимиев монастырь) // Исторический вестник. 1880. Т. 1 (№ 1–4). С. 760, 763, 775; *Соловьёв Е.* Сведения о русских скопцах, извлечённые из различных документов и рукописей. Кострома, 1870. С. 14.
79. РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2575. Л. 1, 2, 4, 7–9, 10–10 об., 12, 16–16 об.
80. РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2047. Ч. 4. Л. 98 об.; ч. 10. Л. 257, 258 об.; Ед. хр. 2599. Л. 1, 3, 17 об., 34, 46, 61.
81. РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 541. Л. 3–4, 8, 9 об. – 10, 40, 42, 85, 170.
82. РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 529. Л. 3 об., 25 об., 128, 132 об., 144; Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2455. Л. 1, 3 об., 26 об. – 27, 28 об.
83. РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 542. Л. 3, 6, 7 об., 26 об., 44–44 об., 135, 143.
84. РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2681. Л. 1, 3–4, 15, 26.
85. РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2666. Л. 1, 2 об., 5, 7, 20, 81.
86. РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2682. Л. 1, 2–2 об., 5 об., 17–18, 21, 51, 53–53 об., 78.
87. РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 543. Л. 1–1 об.; Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2704. Л. 2, 3 об., 4 об., 6 об., 8.
88. РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2047. Ч. 1. Д. 1. Л. 129; Ед. хр. 2712. Л. 2.
89. РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2744. Л. 1 об., 28, 30, 60–61, 78 об., 89–89 об., 263, 270 об.
90. Там же. Л. 1–1 об., 5 об., 23 об., 30 об., 65, 68, 79 об., 84 об., 89–89 об.
91. РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 544а. Л. 2; Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2807. Л. II, 15, 15 об., 16 об. – 17, 18, 26.
92. РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2763. Л. 1–2, 7, 8 об., 13, 15, 22; Ф. 349. Оп. 2. Ед. хр. 7472. Л. 2 об., 24.
93. *Лотман Ю. М.* Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. Л., 1980. С. 45; *Pingaud L.* Les français en Russie et les russes en France. Paris, 1886. P. 89.
94. РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 546. Л. 1, 16, 49 об.
95. РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 554. Л. 2, 3, 5, 6–6 об., 8, 13–13 об.; *Мельников П. И.* Указ. соч. С. 20–22.
96. РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2917. Л. 1, 4–5, 6, 7 об., 9, 53, 67.
97. РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 553. Л. 1–2, 13 об. – 18, 28 об., 38.

[с. 96]

---

98. РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 2047. Ч. 4. Л. 291 об.; Ед. хр. 3302. Л. 1, 2 об., 4.
99. РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 3485. Л. 1–1 об., 3, 5–5а, 14.
100. См.: *Успенский Б. А.* Указ. соч. С. 205–206.
101. См.: Там же. С. 202–203.

[с. 97]
